

В. ГАУФ
(1802 – 1827)

ХОЛОДНОЕ СЕРДЦЕ
(В сокращении)

*Пересказ с немецкого Т. Г. Габбе и А. И. Любарской;
стихи в переводе С. Я. Маршака*

Часть 1

Всякий, кому случалось побывать в Шварцвальде⁷⁰, скажет вам, что никогда в другом месте не увидишь таких высоких и могучих елей, нигде больше не встретишь таких рослых и сильных людей. Кажется, будто самый воздух, пропитанный солнцем и смолой, сделал обитателей Шварцвальда непохожими на их соседей, жителей окрестных равнин. Даже одежда у них не такая, как у других. Особенно затейливо наряжаются обитатели гористой стороны Шварцвальда. Мужчины там носят чёрные камзолы, широкие, в мелкую складку шаровары, красные чулки и островерхие шляпы с большими полями. И надо признаться, что наряд этот придаёт им весьма внушительный и почтенный вид.

⁷⁰ *Шварцвальд* – горный массив на юго-западе Германии. По-русски это слово значит: чёрный лес.

Все жители здесь отличные мастера стекольного дела. Этим ремеслом занимались их отцы, деды и прадеды, и слава о шварцвальдских стеклодувах издавна идёт по всему свету.

В другой стороне леса, ближе к реке, живут те же шварцвальдцы, но ремеслом они занимаются другим, и обычаи у них тоже другие. Все они, так же как их отцы, деды и прадеды, лесорубы и плотогоны. На длинных плотах сплавляют они лес вниз по Неккару в Рейн, а по Рейну до самого моря.

Они останавливаются в каждом прибрежном городе и ждут покупателей, а самые толстые и длинные брёвна гонят в Голландию, и голландцы строят из этого леса свои корабли.

Плотогоны привыкли к суровой бродячей жизни. Поэтому и одежда у них совсем не похожа на одежду мастеров стекольного дела. Они носят куртки из тёмного холста и чёрные кожаные штаны на зелёных, шириною в ладонь, помочах. Из глубоких карманов их штанов всегда торчит медная линейка – знак их ремесла. Но больше всего они гордятся своими сапогами. Да и есть чем гордиться! Никто на свете не носит таких сапог. Их можно натянуть выше колен и ходить в них по воде, как посуху.

Еще недавно жители Шварцвальда верили в лесных духов. Теперь-то, конечно, все знают, что никаких духов нет, но от дедов к внукам перешло множество преданий о таинственных лесных жителях.

Рассказывают, что эти лесные духи носили платье точь-в-точь такое, как и люди, среди которых они жили.

Стеклянный Человечек, добрый друг людей, всегда являлся в широкополой островерхой шляпе, в чёрном камзоле и шароварах, а на ногах у него были красные чулочки и чёрные башмачки. Ростом он был с годовалого ребенка, но это нисколько не мешало его могуществу.

А Михель Великан носил одежду сплавщиков, и те, кому случилось его видеть, уверяли, будто на сапоги его должно было пойти добрых полсотни телячьих кож, что взрослый человек мог бы спрятаться в этих сапожищах с головой. И все они клялись, что нисколько не преувеличивают...

Много лет тому назад жила в Шварцвальде бедная вдова по имени и прозвищу Барбара Мунк.

Муж её был угольщиком, а когда он умер, за это же ремесло пришлось взяться её шестнадцатилетнему сыну Петеру. До сих пор он только смотрел, как его отец тушит уголь, а теперь ему самому довелось просиживать дни и ночи возле дымящейся угольной ямы, а потом колесить с тележкой по дорогам и улицам, предлагая у всех ворот свой чёрный товар и пугая ребятишек лицом и одежей, потемневшими от угольной пыли.

Ремесло угольщика тем хорошо (или тем плохо), что оставляет много времени для размышлений.

И Питер Мунк, сидя в одиночестве у своего костра, так же, как и многие другие угольщики, думал обо всём на свете. Лесная тишина, шелест ветра в верхушках деревьев, одинокий крик птицы – всё наводило его на мысли о людях, которых он встречал, странствуя со своей тележкой, о себе самом и о своей печальной судьбе.

«Что за жалкая участь быть чёрным, грязным угольщиком! – думал Петер. – То ли дело ремесло стекольщика, часовщика или башмачника! Даже музыкантов, которых нанимают играть на воскресных вечеринках, и тех почитают больше, чем нас!» Вот, случись, выйдет Петер Мунк в праздничный день на улицу чисто умытый, в парадном отцовском кафтане с серебряными пуговицами, в новых красных чулках и в башмаках с пряжками... Всякий, увидев его издали, скажет: «Что за парень молодец! Кто бы это был?» А подойдёт ближе, только рукой махнет: «Ах, да ведь это всего-навсего Петер Мунк, угольщик!..» И пройдёт мимо.

Но больше всего Петер Мунк завидовал плотогонам. Когда эти лесные великаны приходили к ним на праздник, навесив на себя с полпуда серебряных побрякушек, всяких там цепочек, пуговиц да пряжек, и, широко расставив ноги, глядели на танцы, затягиваясь из аршинных кельнских трубок, Петеру казалось, что нет на свете людей счастливее и почтеннее. Когда же эти счастливицы запускали в карман руку и целыми пригоршнями вытаскивали серебряные монеты, у Петера спирало дыхание, мутилось в голове,

и он, печальный, возвращался в свою хижину. Он не мог видеть, как эти «дровяные господа» проигрывали за один вечер больше, чем он сам зарабатывал за целый год...

Петер перебирал в уме все известные ему способы разбогатеть, но не мог придумать ни одного мало-мальски верного.

Наконец он вспомнил рассказы о людях, которые будто бы получили целые горы золота от Михеля Великана или от Стеклянного Человечка.

Ещё когда был жив отец, у них в доме часто собирались бедняки-соседи помечтать о богатстве, и не раз они поминали в разговоре маленького покровителя стеклодувов.

Петер даже припомнил стишки, которые нужно было сказать в чаще леса, у самой большой ели, для того чтобы вызвать Стеклянного Человечка...

...«Будь что будет, – решил он, – а я должен попытать своё счастье».

И вот, распродав весь заготовленный для покупателей уголь, он надел отцовский праздничный камзол, новые красные чулки, новую воскресную шляпу, взял в руки палку и сказал матери:

– Мне нужно сходить в город. Говорят, скоро будет набор в солдаты, так вот, я думаю, следовало бы напомнить начальнику, что вы вдова и что я ваш единственный сын.

Мать похвалила его за благоразумие и пожелала счастливого пути. И Петер бодро зашагал по дороге, но только не в город, а прямо в лес. Он шел всё выше и выше по склону горы, поросшей ельником, и наконец добрался до самой вершины.

Место было глухое, безлюдное. Нигде никакого жилья, ни избушки дровосеков, ни охотничьего шалаша...

Страшно стало Петеру, когда он вошёл в чащу. Кругом было тихо, нигде ни звука. Он слышал только шорох собственных шагов. Казалось, даже птицы не залетают в этот густой лесной сумрак.

Около огромной ели, за которую голландские корабельщики, не задумываясь, дали бы не одну сотню гульденов, Петер остановился.

«Наверно, это самая большая ель на всём свете! – подумал он. – Стало быть, тут и живёт Стеклянный Человечек».

Петер снял с головы свою праздничную шляпу, отвесил перед деревом глубокий поклон, откашлялся и робким голосом произнёс:

– Добрый вечер, господин стекольный мастер!

Но никто не ответил ему.

«Может быть, всё-таки лучше сначала сказать стишки», – подумал Петер и, запинаясь на каждом слове, пробормотал:

Под косматой елью,
В тёмном подземелье,
Где рождается родник, –
Меж корней живёт старик.

Он неслышанно богат,
Он хранит заветный клад.
Кто родился в день воскресный,
Получает клад чудесный!

Не успел он выговорить последнее слово, как чей-то тоненький, звонкий, как хрусталь, голосок сказал:

– Здравствуй, Петер Мунк!

И в ту же минуту он увидел под корнями старой ели крошечного старичка в чёрном кафтанчике, в красных чулочках, с большой остроконечной шляпой на голове. Старичок приветливо смотрел на Петера и поглаживал свою небольшую бородку – такую лёгкую, словно она была из паутины. Во рту у него была трубка из голубого стекла, и он то и дело попыхивал ею, выпуская густые клубы дыма.

– ...Я бедный угольщик, и живётся мне очень трудно. Вы и сами понимаете, что если с утра до ночи сидеть возле угольной ямы, – далеко не уйдёшь. А я ещё молодой, мне хотелось бы узнать в жизни что-нибудь получше. Вот гляжу я на других – все люди как люди, им и почет, и уважение, и богатство... Взять хотя бы Иезекиила Толстого или Вильма Красивого, короля танцев, – так ведь у них денег что соломы!..

– Петер, – строго перебил его Стекланный Человечек и, запыхав трубкой, выпустил густое облако дыма, – никогда не говори

мне об этих людях. И сам не думай о них. Сейчас тебе кажется, что на всём свете нет никого, кто был бы счастливее их, а пройдет год или два, и ты увидишь, что нет на свете никого несчастнее. И ещё скажу тебе: не презирай своего ремесла. Твой отец и дед были почтеннейшими людьми, а ведь они были угольщиками. Петер Мунк, я не хочу думать, что тебя привела ко мне любовь к безделью и лёгкой наживе.

Говоря это, Стекланный Человечек пристально смотрел Петеру прямо в глаза.

Петер покраснел.

– Нет, нет, – забормотал он, – я ведь и сам знаю, что лень – мать всех пороков, и всё такое прочее. Но разве я виноват, что моё ремесло мне не по душе? Я готов быть стекольщиком, часовщиком, сплавщиком – кем угодно, только не угольщиком.

– Станный вы народ – люди! – сказал, усмехаясь, Стекланный Человечек. – Всегда недовольны тем, что есть. Был бы ты стекольщиком – захотел бы стать сплавщиком, был бы сплавщиком – захотел бы стать стекольщиком. Ну да пусть будет по-твоему. Если ты обещаешь мне работать честно, не ленясь, – я помогу тебе. У меня заведён такой обычай: я исполняю три желания каждого, кто рождён в воскресенье между двенадцатью и двумя часами пополудни и кто сумеет меня найти. Два желания я исполняю, какие бы они ни были, даже самые глупые. Но третье желание сбывается только в том случае, если оно стоит того. Ну, Петер Мунк, подумай хорошенько и скажи мне, чего ты хочешь.

Но Петер не стал долго раздумывать. От радости он подбросил вверх свою шляпу и закричал:

– Да здравствует Стекланный Человечек, самый добрый и могущественный из всех лесных духов!.. Если вы, мудрейший властелин леса, в самом деле хотите осчастливить меня, я скажу вам самое заветное желание моего сердца. Во-первых, я хочу уметь танцевать лучше самого короля танцев и всегда иметь в кармане столько же денег, сколько у самого Иезекиила Толстого, когда он садится за игорный стол... Я хочу быть владельцем самого лучшего и самого большого стекольного завода, какой только есть

в Шварцвальде. Ну и, конечно, мне нужны деньги, чтобы пустить его в ход... У меня остаётся ещё одно желание, – сказал Петер, – и я могу пожелать себе ума, если это так уж необходимо, как вы говорите.

– погоди, побереги третье желание про чёрный день. Кто знает, что ещё ждет тебя впереди! А теперь ступай домой. Да возьми для начала вот это, – сказал Стекланный Человечек и вынул из кармана кошелек, набитый деньгами. – Здесь ровно две тысячи гульденов. Три дня тому назад умер старый Винкфриц, хозяин большого стекольного завода. Предложи его вдове эти деньги, и она с радостью продаст тебе свой завод. Но помни: работа кормит только того, кто любит работу. Да не водись с Иезекиилом Толстым и пореже заходи в трактир. Это к добру не приведёт. Ну, прощай. Я буду изредка заглядывать к тебе, чтобы помочь советом, когда тебе не будет хватать своего ума-разума...

На следующий день Петер чуть свет отправился к вдове старого Винкфрица.

Они быстро поладили, и завод со всеми работниками перешёл к новому хозяину.

Вначале стекольное дело очень нравилось Петеру.

Целые дни, с утра до вечера, он проводил у себя на заводе... Но скоро всё это ему надоело. Он стал приходить на завод всего на часок, потом через день, через два и под конец не чаще, чем раз в неделю.

...Петеру вздумалось заглянуть в трактир... Когда же все трактирные завсегдатаи узнали, что Петер только что купил себе стекольный завод, когда заметили, что каждый раз, проходя в танце мимо музыкантов, он бросает им золотую монету, – общему удивлению не было конца.

Одни говорили, что он нашёл в лесу клад, другие – что он получил наследство, но все сходились на том, что Петер Мунк самый славный парень во всей округе.

Наплясавшись вволю, Петер подсел к Иезекиилу Толстому и вызвался сыграть с ним партию-другую. Он сразу же поставил двадцать гульденов и тут же проиграл их. Но это его несколько

не смутило. Как только Иезекиил положил свой выигрыш в карман, в кармане у Петра тоже прибавилось ровно двадцать гульденов.

Словом, всё получилось точь-в-точь, как хотел Петер. Он хотел, чтобы в кармане у него всегда было столько же денег, сколько у Иезекиила Толстого, и Стекланный Человечек исполнил его желание. Поэтому чем больше денег переходило из его кармана в карман толстого Иезекиила, тем больше денег становилось в его собственном кармане.

А так как игрок он был из рук вон плохой и всё время проигрывал, то нет ничего удивительного, что он постоянно был в выигрыше.

С тех пор Петер стал проводить за игорным столом все дни, и праздничные и будничные.

Люди так привыкли к этому, что называли его уже не королём над всеми королями танцев, а просто Петером-игроком.

Но хоть он стал теперь бесшабашным кутилой, сердце у него по-прежнему было доброе. Он без счёта раздавал деньги беднякам, так же как без счёта пропивал и проигрывал.

И вдруг Петер с удивлением стал замечать, что денег у него становится всё меньше и меньше. А удивляться было нечему. С тех пор как он стал бывать в трактире, стекольное дело он совсем забросил, и теперь завод приносил ему не доходы, а убытки. Заказчики перестали обращаться к Петеру, и скоро ему пришлось за полцены продать весь товар бродячим торговцам только для того, чтобы расплатиться со своими мастерами и подмастерьями.

Однажды вечером Петер шёл из трактира домой. Он выпил изрядное количество вина, но на этот раз вино несколько не развеселило его.

С ужасом думал он о своём неминуемом разорении. И вдруг Петер заметил, что рядом с ним кто-то идёт мелкими быстрыми шажками. Он оглянулся и увидел Стекланного Человечка.

– Ах, это вы, сударь! – сказал Петер сквозь зубы. – Пришли полюбоваться моим несчастьем? Да, нечего сказать, щедро вы наградили меня!.. Врагу не пожелаю такого покровителя! Ну что вы мне теперь прикажете делать? Того и гляди, пожалует сам

начальник округа и пустит за долги с публичного торга всё моё имущество. Право же, когда я был жалким угольщиком, у меня было меньше огорчений и забот...

– Так, – сказал Стеклянный Человечек, – так! Значит, по-твоему, это я виноват во всех твоих несчастьях? А по-моему, ты сам виноват в том, что не сумел пожелать ничего путного. Для того чтобы стать хозяином стекольного дела, голубчик, надо прежде всего быть толковым человеком и знать мастерство. Я тебе и раньше говорил и теперь скажу: ума тебе не хватает, Петер Мунк, ума и сообразительности!

– Какого там ещё ума!.. – закричал Петер, задыхаясь от обиды и злости. – Я нисколько не глупее всякого другого и докажу тебе это на деле, еловая шишка!

С этими словами Петер схватил Стеклянного Человечка за шиворот и стал трясти его изо всех сил.

– Ага, попался, властелин лесов? Ну-ка, исполняй третье моё желание! Чтобы сейчас же на этом самом месте был мешок с золотом, новый дом и... Ай-ай!.. – завопил он вдруг не своим голосом.

Стеклянный Человечек как будто вспыхнул у него в руках и засветился ослепительно белым пламенем. Вся его стеклянная одежда раскалилась, и горячие, колючие искры так и брызнули во все стороны.

Петер невольно разжал пальцы и замахал в воздухе обожжённой рукой.

В это самое мгновение над ухом у него раздался лёгкий, как звон стекла, смех – и всё стихло.

Стеклянный Человечек пропал.

Несколько дней не мог Петер позабыть об этой неприятной встрече.

Он бы и рад был не думать о ней, да распухшая рука всё время напоминала ему о его глупости и неблагодарности.

Но мало-помалу рука у него зажила, и на душе стало легче.

– Если даже и продадут мой завод, – успокаивал он себя, – у меня всё-таки останется толстый Иезекиил. Пока у него в кармане есть деньги, и я не пропаду.

Так-то оно так, Петер Мунк, а вот если денег у Иезекиила не станет, что тогда? Но Петеру это даже и в голову не приходило.

А между тем случилось именно то, чего он не предвидел, и в один прекрасный день произошла очень странная история, которую никак нельзя объяснить законами арифметики.

Однажды в воскресенье Петер, как обычно, пришёл в трактир.

– Добрый вечер, хозяин, – сказал он с порога. – Что, толстый Иезекиил уже здесь?

– Заходи, заходи, Петер, – отозвался сам Иезекиил. – Место для тебя оставлено.

Петер подошёл к столу и сунул руку в карман, чтобы узнать, в проигрыше или выигрыше толстый Иезекиил. Оказалось, в большом выигрыше. Об этом Петер мог судить по своему собственному, туго набитому карману.

Он подсел к игрокам и так провёл время до самого вечера, то выигрывая партию, то проигрывая. Но сколько он ни проигрывал, деньги у него в кармане не убывали, потому что Иезекиилу Толстому всё время везло.

Когда за окнами стемнело, игроки один за другим стали расходиться по домам. Поднялся и толстый Иезекиил. Но Петер так уговаривал его остаться и сыграть ещё партию-другую, что тот наконец согласился.

– Ну хорошо, – сказал Иезекиил. – Только сначала я пересчитаю свои деньги. Будем бросать кости. Ставка – пять гульденов. Меньше нет смысла: детская игра!.. – Он вытащил свой кошелек и стал считать деньги. – Ровно сто гульденов! – сказал он, пряча кошелек в карман.

Теперь и Петер знал, сколько у него денег: ровно сто гульденов. И считать не надо было.

И вот игра началась. Первым бросил кости Иезекиил – восемь очков! Бросил кости Петер – десять очков!

Так и пошло: сколько раз ни бросал кости Иезекиил Толстый, у Петера всегда было больше ровно на два очка.

Наконец толстяк выложил на стол свои последние пять гульденов.

– Ну, бросай ещё раз! – крикнул он. – Но так и знай, я не сдамся, даже если проиграю и теперь. Ты одолжишь мне несколько монет из своего выигрыша. Порядочный человек всегда выручает приятеля в затруднении.

– Да о чём там говорить! – сказал Петер. – Мой кошелёк всегда к твоим услугам.

Толстый Иезекиил встряхнул кости и бросил на стол.

– Пятнадцать! – сказал он. – Теперь посмотрим, что у тебя.

Петер, не глядя, швырнул кости.

– Моя взяла! Семнадцать!.. – крикнул он и даже засмеялся от удовольствия.

В ту же минуту за его спиной раздался чей-то глухой, хриплый голос:

– Это была твоя последняя игра!

Петер в ужасе оглянулся и увидел за своим стулом огромную фигуру Михеля Голландца. Не смея пошевелинуться, Петер так и замер на месте.

А толстый Иезекиил никого и ничего не видел.

– Дай мне скорей десять гульденов, и будем продолжать игру! – нетерпеливо сказал он.

Петер как во сне сунул руку в карман. Пусто! Он пошарил в другом кармане – и там не больше.

Ничего не понимая, Петер вывернул оба кармана наизнанку, но не нашёл в них даже самой мелкой монетки.

Тут он с ужасом вспомнил о своём первом желании. Проклятый Стекланный Человечек сдержал своё слово до конца: Петер хотел, чтобы денег у него было столько же, сколько в кармане у Иезекиила Толстого, и вот у Иезекиила Толстого нет ни гроша, и в кармане у Петера – ровно столько же!

Хозяин трактира и Иезекиил Толстый смотрели на Петера, вытаращив глаза. Они никак не могли понять, куда же девал он выигранные деньги. А так как Петер на все их вопросы не мог ответить ничего путного, то они решили, что он попросту не хочет расплачиваться с трактирщиком и боится дать в долг Иезекиилу Толстому.

Это привело их в такую ярость, что они вдвоем накинулись на Петера, избили его, сорвали с него кафтан и вытолкали за дверь.

Ни одной звёздочки не видно было на небе, когда Петер пробирался к себе домой.

Темень была такая, что хоть глаз выколи, и всё-таки он различил рядом с собой какую-то огромную фигуру, которая была темней темноты.

– Ну, Петер Мунк, твоя песенка спета! – сказал знакомый хриплый голос. – Теперь ты видишь, каково приходится тем, кто не хочет слушать моих советов. А ведь сам виноват! Вольно же тебе было водиться с этим скупым старикашкой, с этим жалким стеклянным пузырьком!.. Ну да ещё не всё потеряно. Я не злопаятен. Слушай, завтра я целый день буду у себя на горе. Приходи и позови меня. Не раскаешься!

Сердце похолодело у Петера, когда он понял, кто с ним говорит. Михель Великан! Опять Михель Великан!.. Сломая голову Петер бросился бежать, сам не зная куда.

Часть 2

Когда в понедельник утром Петер пришёл на свой стекольный завод, он застал там непрошенных гостей – начальника округа и трёх судейских.

Начальник вежливо поздоровался с Петером, спросил, хорошо ли он почивал и как его здоровье, а потом вытащил из кармана длинный список, в котором стояли имена всех, кому Петер был должен.

...Не дожидаясь, покуда судейские кончат своё дело, он украдкой вышел за ворота и бегом побежал в лес...

– Входи сюда, приятель, не бойся! Тут есть на что поглядеть.

Петер переступил порог и невольно остановился, не смея поверить своим глазам.

Сердце в груди у него так сильно сжалось, что он едва перевёл дыхание.

Вдоль стен на длинных деревянных полках стояли рядами стеклянные банки, до самых краев налитые какой-то прозрачной жидкостью.

А в каждой банке лежало человеческое сердце. Сверху на ярлычке, приклеенном к стеклу, было написано имя и прозвище того, в чьей груди оно раньше билось.

Петер медленно пошёл вдоль полок, читая ярлычок за ярлычком. На одном было написано: «сердце господина начальника округа», на другом – «сердце главного лесничего». На третьем просто – «Иезекиил Толстый», на пятом – «король танцев».

Дальше подряд стояли шесть сердец скупщиков хлеба, три сердца богатых ростовщиков, два таможенных сердца, четыре судейских...

Словом, много сердец и много почтенных имён, известных всей округе.

– Видишь, – сказал Михель Великан, – ни одно из этих сердец не сжимается больше ни от страха, ни от огорчения. Их бывшие хозяева избавились раз навсегда от всяких забот, тревог, пороков сердца и прекрасно чувствуют себя, с тех пор как выселили из своей груди беспокойного жильца.

– Да, но что же теперь у них в груди вместо сердца? – спросил, запинаясь, Петер, у которого голова пошла кругом от всего, что он видел и слышал.

– А вот что, – спокойно ответил Михель. Он выдвинул какой-то ящик и достал оттуда каменное сердце.

– Это? – переспросил Петер, задыхаясь, и холодная дрожь пробежала у него по спине. – Мраморное сердце?.. Но ведь от него, должно быть, очень холодно в груди?

– Конечно, оно немного холодит, – сказал Михель, – но это очень приятная прохлада. Да и зачем, собственно, сердце непременно должно быть горячим? Зимой, когда холодно, вишнёвая наливка греет куда лучше, чем самое горячее сердце. А летом, когда и без того душно и жарко, ты и не поверить, как славно освежает такое мраморное сердечко. А главное – оно-то уж не забьется у тебя ни от страха, ни от тревоги, ни от глупой жалости. Очень удобно!..

Петера разбудили весёлые звуки почтового рожка. Он сидел в прекрасной карете. Лошади мерно стучали копытами, и карета быстро катилась. Выглянув из окошка, он увидел далеко позади горы Шварцвальда в дымке синего тумана.

Сначала он никак не мог поверить, что это он сам, угольщик Петер Мунк, сидит на мягких подушках в богатой барской карете. Да и платье на нём было такое, какое ему и во сне не снилось... А всё-таки это был он, угольщик Петер Мунк!..

На минуту Петер задумался. Вот он первый раз в жизни покидает эти горы и долины, поросшие еловым лесом. Но почему-то ему совсем не жалко уезжать из родных мест. Да и мысль о том, что он оставил свою старуху-мать одну, в нужде и тревоге, не сказав ей на прощание ни одного слова, тоже нисколько не опечалила его.

«Ах да, – вспомнил он вдруг, – ведь у меня теперь каменное сердце!.. Спасибо Михелю Голландцу – он избавил меня от всех этих слёз, вздохов, сожалений...»

Он приложил руку к груди и почувствовал только легкий холодок. Каменное сердце не билось.

«Ну относительно сердца он сдержал своё слово, – подумал Петер. – А вот как насчёт денег?»

Он принялся осматривать карету и среди вороха всяких дорожных вещей нашёл большую кожаную сумку, туго набитую золотом и чеками на торговые дома во всех больших городах.

«Ну, теперь всё в порядке», – подумал Петер и уселся поудобнее среди мягких кожаных подушек.

Так началась новая жизнь господина Петера Мунка.

Два года ездил он по белу свету, много видел, но ничего не заметил, кроме почтовых станций, вывесок на домах да гостиниц, в которых он останавливался...

Когда он снова увидел тёмные леса Шварцвальда и добродушные лица земляков, кровь на мгновение прилила к его сердцу, и ему даже показалось, что он сейчас обрадуется. Нет! Каменное сердце осталось таким же холодным, как было. Камень – это камень...

Скоро по всему Шварцвальду пошла молва о том, что угольщик Петер Мунк воротился домой ещё богаче, чем был до отъезда.

И тут случилось то, что обычно бывает в таких случаях. Он опять стал желанным гостем в трактире...

Но больше всего досаждала ему «старуха» (так называл он свою мать, госпожу Мунк)...

Да что и говорить, теперь это был уже не тот Петер Мунк, бесшабашный весельчак, который без счёта бросал деньги бродячим музыкантам и всегда был готов помочь первому встречному бедняку. Нынешний Петер Мунк хорошо знал цену деньгам и ничего другого не желал знать.

С каждым днем он делался всё богаче и богаче, но веселее ему не становилось.

И вот, вспомнив совет Михеля Великана, он решил жениться.

У (его жены) было доброе сердце, и, зная, что в доме сундуки ломаются от всякого добра, она не считала за грех накормить какую-нибудь бедную старушку, вынести рюмку вина прохожему старику или дать несколько мелких монеток соседским детям на сласти...

Однажды Лизбет сидела перед домом, пряла пряжу и напевала какую-то песенку. На душе у неё было в этот день легко и весело, потому что погода была отличная, а господин Петер уехал по делам.

И вдруг она увидела, что по дороге идёт какой-то старичок. Сгибаясь в три погибели, он тащил на спине большой, туго набитый мешок...

– Вот, – сказала она, – подкрепитесь на дорогу. Старичок с удивлением посмотрел на Лизбет своими выцветшими, светлыми, как стекло, глазами. Он медленно выпил вино, отломил кусочек хлеба и сказал дрожащим голосом:

– Я человек старый, но мало видел на своем веку людей с таким добрым сердцем, как у вас. А доброта никогда не остается без награды...

– И свою награду она получит сейчас же! – загремел у них за спиной страшный голос.

Они обернулись и увидели господина Петера.

– Так вот ты как!.. – проговорил он сквозь зубы, сжимая в руках кнут и подступая к Лизбет. – Самое лучшее вино из моего погреба ты наливаешь в мою самую любимую кружку и угощаешь каких-то

грязных бродяг... Вот же тебе! Получай свою награду!..

Он размахнулся и изо всей силы ударил жену по голове тяжёлым кнутовищем из чёрного дерева.

Не успев даже вскрикнуть, Лизбет упала на руки старика.

Каменное сердце не знает ни сожаления, ни раскаяния. Но тут даже Петеру стало не по себе, и он бросился к Лизбет, чтобы поднять её.

– Не трудись, угольщик Мунк! – вдруг сказал старик хорошо знакомым Петеру голосом. – Ты сломал самый прекрасный цветок в Шварцвальде, и он никогда больше не зацветёт.

Петер невольно отшатнулся.

– Так это вы, господин Стекланный Человечек! – в ужасе прошептал он. – ...Это ты погубил меня! Да, да, ты, и никто другой! По твоей милости пошёл я на поклон к Михелю Голландцу. И теперь ты сам должен держать ответ передо мной, а не я перед тобой!..

И он вне себя замахнулся кнутом. Но рука его так и застыла в воздухе.

На глазах у него Стекланный Человечек вдруг стал расти. Он рос всё больше, больше, пока не заслонил дом, деревья, даже солнце... Глаза его метали искры и были ярче самого яркого пламени. Ондохнул – и палящий жар пронизал Петера насквозь, так что даже его каменное сердце согрелось и дрогнуло, как будто снова забилося. Нет, никогда даже Михель Великан не казался ему таким страшным!

Петер упал на землю и закрыл голову руками, чтобы защититься от мести разгневанного Стекланного Человечка, но вдруг почувствовал, что огромная рука, цепкая, словно когти коршуна, схватила его, подняла высоко в воздух и, завертев, как ветер крутит сухую былинку, швырнула оземь.

– Жалкий червяк!.. – загремел над ним громовой голос. – Я мог бы на месте испепелить тебя! Но, так и быть, ради этой бедной, кроткой женщины дарю тебе ещё семь дней жизни. Если за эти дни ты не раскаешься – берегись!.. Точно огненный вихрь промчался над Петером – и всё стихло.

Вечером люди, проходившие мимо, увидели Петера лежащим на земле у порога своего дома.

Он был бледен как мертвец, сердце у него не билось, и соседи уже решили, что он умер (ведь они-то не знали, что сердце его не бьётся, потому что оно каменное). Но тут кто-то заметил, что Петер ещё дышит. Принесли воды, смочили ему лоб, и он очнулся...

– Лизбет!.. Где Лизбет? – спросил он хриплым шёпотом.

Но никто не знал, где она.

Он поблагодарил людей за помощь и вошёл в дом. Лизбет не было и там.

Петер совсем растерялся. Что же это значит? Куда она исчезла? Живая или мёртвая, она должна быть здесь.

Так прошло несколько дней. С утра до ночи бродил он по дому, не зная, за что взяться. А ночью, стоило ему только закрыть глаза, его будил тихий голос:

– Петер, достань себе горячее сердце! Достань себе горячее сердце, Петер!..

Это был голос Лизбет. Петер вскакивал, озирался по сторонам, но её нигде не было...

И вот, когда седьмой день был уже на исходе, Петер решился. Он надел праздничный камзол, шляпу, вскочил на коня и поскакал к Еловой горе.

Там, где начинался частый ельник, он спешился, привязал лошадь к дереву, а сам, цепляясь за колючие ветки, полез наверх.

Около большой ели он остановился, снял шляпу и, с трудом припоминая слова, медленно проговорил:

Под косматой елью,
В тёмном подземелье,
Где рождается родник, –
Меж корней живёт старик.

Он неслыханно богат,
Он хранит заветный клад.
Кто родился в день воскресный,
Получает клад чудесный.

И Стекланный Человечек появился. Но теперь он был весь в чёрном: кафтанчик из чёрного матового стекла, чёрные панталоны, чёрные чулки... Чёрная хрустальная лента обвивала его шляпу.

Он едва взглянул на Петера и спросил безучастным голосом:

– Что тебе надо от меня, Петер Мунк?..

– Я хотел бы... Я хотел бы... – начал прерывающимся голосом Петер. – Господин Стекланный Человечек! Выньте из моей груди этот мёртвый камень и дайте мне моё живое сердце.

– Да разве ты со мной заключил эту сделку? – сказал Стекланный Человечек. – Разве я Михель Голландец, который раздает золотые монеты и каменные сердца? Ступай к нему, проси у него своё сердце!

Петер грустно покачал головой:

– Ах, он ни за что не отдаст мне его. Стекланный Человечек помолчал с минуту, потом вынул из кармана свою стеклянную трубку и закурил.

– Да, – сказал он, пуская кольца дыма, – конечно, он не захочет отдать тебе твоё сердце... И хотя ты очень виноват перед людьми, передо мной и перед собой, но желание твоё не так уж глупо. Я помогу тебе. Слушай: силой ты от Михеля ничего не добьёшься. Но перехитрить его не так уж трудно, хоть он и считает себя умнее всех на свете. Нагнись ко мне, я скажу, как выманить у него твоё сердце.

И Стекланный Человечек сказал Петеру на ухо всё, что надо делать.

– Запомни же, – добавил он на прощание, – если в груди у тебя будет опять живое, горячее сердце и если перед опасностью оно не дрогнет и будет твёрже каменного, никто не одолеет тебя, даже сам Михель Великан. А теперь ступай и возвращайся ко мне с живым, бьющимся, как у всех людей, сердцем. Или совсем не возвращайся.

Так сказал Стекланный Человечек и скрылся под корнями ели, а Петер быстрыми шагами направился к ущелью, где жил Михель Великан.

Он трижды окликнул его по имени, и великан явился.

– Что, жену убил? – сказал он, смеясь. – Ну и ладно, поделом ей! Зачем не берегла мужнино добро! Только, пожалуй, приятель, тебе придётся на время уехать из наших краёв, а то заметят добрые соседи, что она пропала, поднимут шум, начнутся всякие разговоры... Не оберёшься хлопот. Тебе, верно, деньги нужны?

– Да, – сказал Петер, – и на этот раз побольше. Ведь до Америки далеко.

– Ну, за деньгами дело не станет, – сказал Михель и повёл Петера к себе в дом.

Он открыл сундук, стоявший в углу, вытащил несколько больших свёртков золотых монет и, разложив их на столе, стал пересчитывать.

Петер стоял рядом и ссыпал в мешок сосчитанные монеты.

– А какой ты всё-таки ловкий обманщик, Михель! – сказал он, хитро поглядев на великана. – Ведь я было совсем поверил, что ты вынул моё сердце и положил вместо него камень.

– То есть как это так? – сказал Михель и даже раскрыл рот от удивления. – Ты сомневаешься в том, что у тебя каменное сердце? Что же, оно у тебя бьется, замирает? Или, может быть, ты чувствуешь страх, горе, раскаяние?

– Да, немного, – сказал Петер. – Я прекрасно понимаю, приятель, что ты его попросту заморозил, и теперь оно понемногу оттаивает... Да и как ты мог, не причинив мне ни малейшего вреда, вынуть у меня сердце и заменить его каменным? Для этого надо быть настоящим волшебником!..

– Но уверяю тебя, – закричал Михель, – что я это сделал! Вместо сердца у тебя самый настоящий камень, а настоящее твоё сердце лежит в стеклянной банке, рядом с сердцем Иезекиила Толстого. Если хочешь, можешь посмотреть сам.

Петер засмеялся.

– Есть на что смотреть! – сказал он небрежно. – Когда я путешествовал по чужим странам, я видел много диковин и почище твоих. Сердца, которые лежат у тебя в стеклянных банках, сделаны из воска. Мне случалось видеть даже восковых людей, не то что сердца! Нет, что там ни говори, а колдовать ты не умеешь!..

Михель встал и с грохотом отбросил стул.

– Иди сюда! – крикнул он, распахивая дверь в соседнюю комнату. – Смотри, что тут написано! Вот здесь – на этой банке! «Сердце Петера Мунка»! Приложи ухо к стеклу – послушай, как оно бьется. Разве восковое может так биться и трепетать?

– Конечно, может. Восковые люди на ярмарках ходят и говорят. У них внутри есть какая-то пружинка...

– Пружинка? А вот ты у меня сейчас узнаешь, что это за пружинка! Дурак! Не умеет отличить восковое сердце от своего собственного!..

Михель сорвал с Петера камзол, вытащил у него из груди камень и, не говоря ни слова, показал его Петеру. Потом он вытащил из банки сердце, подышал на него и осторожно положил туда, где ему и следовало быть.

В груди у Петера стало горячо, весело, и кровь быстрее побежала по жилам.

Он невольно приложил руку к сердцу, слушая его радостный стук.

Михель поглядел на него с торжеством.

– Ну, кто был прав? – спросил он.

– Ты, – сказал Петер. – Вот уж не думал, признаться, что ты такой колдун.

– То-то же!.. – ответил Михель, самодовольно ухмыляясь. – Ну, теперь давай я положу его на место.

– Оно и так на месте! – сказал Петер спокойно. – На этот раз ты остался в дураках, господин Михель, хоть ты и великий колдун. Я больше не отдам тебе моего сердца.

– Оно уже не твоё! – закричал Михель. – Я купил его. Отдавай сейчас же моё сердце, жалкий воришка, а не то я раздавлю тебя на месте!

И, стиснув свой огромный кулак, он занёс его над Петером. Но Петер даже головы не нагнул. Он поглядел Михелю прямо в глаза и твердо сказал:

– Не отдам!

...С каждой минутой на глазах у Петера Михель становился всё

меньше и меньше. Вот он стал тише воды, ниже травы и наконец совсем прижался к земле. Только по шелесту и колебанию стебельков можно было заметить, как он уполз червяком в своё логово.

...Петер ещё долго смотрел ему вслед, а потом медленно побрёл на вершину горы к старой ели.

Сердце у него в груди билось, радуясь тому, что оно опять может биться.

Но чем дальше он шёл, тем печальнее становилось у него на душе. Он вспомнил всё, что с ним случилось за эти годы, – вспомнил старуху мать, которая приходила к нему за жалким подаванием, вспомнил бедняков, которых травил собаками, вспомнил Лизбет... И горькие слёзы покатались у него из глаз.

А Петер, плача, опустился на траву. О жизни он нисколько не жалел и терпеливо ждал своей последней минуты.

И вот за спиной у него раздался легкий шорох.

«Идёт! – подумал Петер. – Сейчас всему конец!» И, закрыв лицо руками, он ещё ниже склонил голову.

– Петер Мунк! – услышал он голос Стеклянного Человечка, тонкий и звонкий, как хрусталь. Петер Мунк! Оглянись вокруг в последний раз.

Петер поднял голову и невольно вскрикнул. Перед ним стояли его мать и жена.

– Лизбет, ты жива! – закричал Петер, задыхаясь от радости. – Матушка! И вы тут!.. Как мне вымолить у вас прощенье?!

– Они уже простили тебя, Петер, – сказал Стеклянный Человечек. – Да, простили, потому что ты раскаялся от всего сердца...

Ещё много лет в мире и согласии прожила на свете семья угольщика Мунка. Маленький Петер вырос, большой Петер состарился.

И когда молодёжь окружала старика и просила его рассказать что-нибудь о прошлых днях, он рассказывал им эту историю и всегда кончал её так:

– Знал я на своем веку и богатство, и бедность. Беден я был, когда был богат, богат – когда беден. Были у меня раньше каменные палаты, да зато и сердце в моей груди было каменное. А теперь у меня только домик с печью – да зато сердце человеческое.